

предков. «Поклонение первым ванам в эпоху Инь характеризует важный исторический момент, а именно то, что род еще не раскололся, члены его в основном еще едины, и эта коренная общность отражается в общности религиозных представлений. Поскольку силам коллектива приходится вступать в соприкосновение с природой и с другими коллективами, общие жертвоприношения духам предков являются важным условием существования общины. Лишь после образования государства и возникновения неравенства между людьми оказалось необходимым небо или бог, от которого первые ваны получали небесное повеление, отдававшее в их руки народ и землю» (стр. 175).

Таковы взгляды Хоу Вай-лу на основные вопросы экономической, политической и идеологической истории древнего Китая. Серьезное, глубокое исследование Хоу Вай-лу — большой вклад в изучение китайской истории. Тонкий анализ основных терминов социальной истории Иньской и Чжоуской эпох, опирающийся на огромный материал надписей на гадательных костях и на бронзовых сосудах и на данные древнекитайских классических книг, несомненно, поможет разрешить до сих пор еще спорную проблему периодизации возникновения классового общества и государства в Китае. Возобновившиеся в 1950 г. археологические раскопки иньской столицы в районе Аньяня скоро, повидимому, дадут возможность окончательно решить этот важнейший вопрос, что заложит прочную основу научной периодизации истории древнего Китая.

Ценной особенностью книги Хоу Вай-лу является подача настолько полного материала, что читатель как бы вводится в творческую лабораторию ученого. Обилие материала дает возможность самому читателю делать из него выводы и проверять правильность выводов ученого.

Книгу Хоу Вай-лу с большим интересом прочтет каждый, кто занимается историей древнего Китая. Она свидетельствует об успехах китайской исторической науки и показывает, что для ученых демократического Китая основное значение имеет не история древнекитайских властителей, их войн и всякого рода придворных интриг, а история отважного и талантливого китайского трудящегося народа.

В. А. Рубин

K. FREEMAN, Greek city-states, L., 1950, 286 стр.

Политические взгляды и устремления современной буржуазии налагают яркий отпечаток на концепции буржуазных историков. Многообразные и, по существу, противоречивые попытки трактовать исторический материал, наличные в трудах буржуазных авторов взаимомисключающих идей в ряде случаев объясняются прежде всего различной политической ориентацией авторов, их расхождениями в оценке важнейших событий наших дней. В свете этих оценок буржуазные авторы по-разному воспринимают и освещают историю предшествующих эпох, в частности древнюю историю. Большинству произведений современных буржуазных историков самых различных, на первый взгляд, политических убеждений безусловно присуща одна общая черта — откровенная тенденция превратить историческую науку в придаток буржуазной политики, сделать ее рупором той или иной политической доктрины. С точки зрения методологии, эта тенденция означает полный отказ от исторического подхода к исследуемым проблемам.

Рецензируемая книга в этом отношении не составляет исключения. По своему содержанию она распадается на следующие части: предисловие, в котором сформулированы задачи книги, вводную главу, содержащую намеченную автором схему развития греческого полиса, девять очерков, каждый из которых посвящен одному полису (Фурии, Акрагант, Коринф, Милет, Кирена, Сериф, Абдера, Массалия, Византий); наконец, заключение, суммирующее основные идеи книги.

Обосновывая выбор темы, К. Фримэн обращает внимание читателей на то, что большинство исследователей занимается преимущественно, а порой и исключительно

историей Афин и Спарты. Ввиду этого в тени остаются сотни независимых греческих городов-государств — с их различными конституциями, законами, образом жизни, методами защиты, наречиями, религиозными обрядами. «Большинство из них, — пишет К. Фримэн, — дало цивилизацию, которая, будучи греческой, обладала особым индивидуальным ароматом» (стр. XI); К. Фримэн стремится изобразить «бесконечное и пленительное разнообразие, существовавшее в греческом мире». Для этой цели она избирает девять городов-государств, отмечая, что основание для выбора именно этих девяти из сотен заключается «в различии происхождения, окружения, размеров, образа жизни, судьбы» (стр. XI). Автор считает своей задачей не только перечисление исторических фактов, связанных с каждым из этих полисов, но и воссоздание образа жизни, быта и правов их населения. Наконец, в качестве последней, но, как будет видно из дальнейшего, основной задачи автор выдвигает следующую: «...наметить тот урок для современного мира, который запечатлен в подъеме и падении греческих городов-государств» (стр. XII).

В вводной главе «Подъем и упадок греческого города-государства» К. Фримэн отмечает то типичное, что, по ее мнению, было свойственно развитию греческого полиса. История полиса напоминает автору трагедию в трех актах. Первый акт — это период основания независимых городов-государств. Автор подчеркивает: «...эллинская раса демонстрирует перед историком наиболее сильное тяготение к сепаратизму, которое мир когда-либо видел» (стр. XVI). Второй акт — период расцвета полиса. Весьма примечателен тот смысл, который вкладывает К. Фримэн в эти слова. Для нее расцвет полиса состоит исключительно в подъеме умственной жизни — литературы, философии, науки, искусства. Свои восторженные отзывы о «превосходных интеллектуальных достижениях» эллинов она сопровождает указаниями на одновременный рост междоусобных войн в греческом мире. Она настойчиво стремится подвести читателя к мысли о том, что подъем умственной жизни и рост сепаратизма — моменты, неотделимые друг от друга. Наконец, третий акт — период падения городов-государств, период духовного оскудения — совпадает с потерей независимости полисами, с включением их в более крупные государственные образования под началом эллинистических монархов. Заканчивая свой очерк, К. Фримэн задается вопросом: «какова мораль этой трагической истории?», в чем причина падения эллинской цивилизации? — и сулит читателю дать ответ, «поучительный для современного мира» (стр. XX), по рассмотрении конкретной истории ряда греческих полисов.

Однако, когда читатель обращается к главам, посвященным истории девяти полисов, он испытывает глубокое разочарование. Уже при беглом знакомстве с содержанием первых двух-трех очерков вспоминаются λόγοι или κτῆσις древних. Автора занимает тот же круг сюжетов: географические условия, легенды о происхождении города и об его ойкисте; быт, образ жизни граждан, религиозные обряды, канва политических событий, перечень наиболее интересных местных анекдотов — таковы наиболее излюбленные темы К. Фримэн. Однако, если по композиции очерки К. Фримэн копируют собой древние образцы, то в отношении глубины изложения они сильно уступают последним.

В своих выводах автор не идет дальше замечаний о том, что каждый город переживал «период процветания», что «жизнь в полисе была приятна»; эта фраза повторяется почти дословно: о Фуриях — «Life at Thourioi ... was pleasant enough» (стр. 35), об Акраганте — «Life at Acragas ... must have been pleasant...» (стр. 60), о Кирене «... life at Cyrene was easy and pleasant...» (стр. 192). Причиной вывода колоний автор считает, как правило, военную опасность, угрожавшую метрополии (стр. 134, 235, ср. 215 сл.). Проблема ранней тирании сведена к вопросу о том, злым или добрым был тот или иной тиран; ход военных событий обычно объясняется талантами или бездарностью полководцев, а также явлениями природы — бурями, ясной погодой и т. п.

Нет необходимости подробнее останавливаться на содержании каждого из этих очерков. По своей легковесности они подобны друг другу; живо и поверхностно излагаются некоторые факты, обобщения же или вовсе отсутствуют или наивны и беспомощны до крайности. Автор не поднимается даже до постановки общих проблем,

связанных с историей полиса, как определенной формы общественной, политической и хозяйственной жизни.

Однако, по мнению К. Фримэн, эти девять глав служат вполне достаточным основанием для того, чтобы дать категорический ответ на поставленные ею вначале вопросы. Ее ответ, — историко-философские рассуждения, сосредоточенные в заключении, — бросает яркий свет на ранее недосказанное, но самое основное в книге — не те идеи, с целью популяризации которых она и была написана.

Задавая вопрос, является ли подлинной причиной падения полисной системы «отсутствие единства» в греческом мире, «партикуляризм», К. Фримэн отвечает на него отрицательно. Она настаивает на том, что «единство» далеко не всегда означает жизнеспособность.

Ее рассуждения на эту тему служат предисловием к тому, чтобы, проводя аналогию с современным миром, преподать последнему «поучительный урок». Современный мир, подобно тому, что переживал когда-то древний, — пишет К. Фримэн, — стоит перед отказом от национальной независимости, ради создания более широких объединений, составленных из ряда наций. Не осознавая в своем глубоком заблуждении коренных различий между агрессивным блоком США и его сателлитов и добровольным сплочением стран лагеря мира (стр. 267), Фримэн выступает против любых объединений в современном мире во имя утверждения крайнего сепаратизма в политическом развитии, крайнего индивидуализма. Объединение, настаивает автор, неспособно ничего принести прогрессу. В лучшем случае, оно может означать «материальное процветание и мир, но одновременно умственный и культурный застой... Человеческий прогресс движут не группы, а индивидуумы» (стр. 268): таков лейтмотив всей рецензируемой книги.

Проповедь крайнего индивидуализма в том виде, в каком она представлена в книге, весьма характерна с точки зрения ее политического содержания. Идеи К. Фримэн являются выражением той реакции, которую вызывают современные международные события у части английской буржуазии. Заметим кстати, что эта реакция — совсем иного свойства, чем та, которую мы наблюдали в книге Хаммонда «Город-государство и мировое государство в греческой и римской политической теории вплоть до времени Августа»¹. Напомним, что Хаммонд, идеолог американского империализма, пытается доказать необходимость для народов отречься от своей национальной независимости и склониться под ярмо США. Острые концепции К. Фримэн — пропаганда сепаратизма в политическом развитии — направлено против подобных притязаний США. Ее взгляды отражают опасения английской буржуазии перед перспективой стать сорок девятым штатом Америки. Но, вместе с тем, в индивидуализме К. Фримэн имеется и другая сторона; автор чуждается единственного реального пути для предотвращения угрозы со стороны американского империализма. Она выступает против любых союзов и объединений, не понимая, что союз союзу — рознь. Фримэн обнаруживает полное непонимание принципов соглашений СССР с другими государствами, соглашений, которые призваны охранять подлинную независимость народов и одной из основных целей которых является всесторонний расцвет национальной культуры.

Таков политический смысл концепции автора, изложенной под видом наблюдений над историей древней Греции. Маскировка историческими сюжетами не случайна. Сознательно или бессознательно, но автор, развивая эти сюжеты, пытается придать большую убедительность своим идеям, стремится заставить читателя поверить, что политические лозунги сегодняшнего дня имеют за собой солидный исторический фундамент. Но нетрудно обнаружить истину. Общие идеи Фримэн отнюдь не являются результатом исследования определенной исторической эпохи. Они продиктованы политическими взглядами части английской буржуазии. Эти идеи оказали решающее влияние на метод исследования К. Фримэн, на все ее повествование и частные заключения.

¹ См. ВДИ, 1953, № 2, стр. 136 сл.

Задача, сформулированная автором в начале книги, — осветить историю греческих полисов во всем ее многообразии — заслуживает полного признания. Действительно, интересным и плодотворным может быть сравнительное изучение хозяйственной, политической, общественной и культурной жизни различных полисов — то, изучение, которое дает возможность не только выделить общие черты в истории города-государства, но и наметить конкретные пути и типы развития последнего.

Однако разрешить эту проблему оказалось не под силу автору. За многочисленными фактами, за анекдотами из жизни знаменитых людей, за подробностями быта богатей, за поверхностным изложением канвы политических событий не встают различные типы полисов, не проступают наиболее существенные черты их развития. Цепь внешних, часто случайных явлений может быть продолжена до бесконечности, — но она не дает представления о том, в чем по существу состоял процесс развития и упадка полиса, в чем проявлялись его конкретно-исторические варианты и особенности.

Причина полной несостоятельности всех построений К. Фримэн коренится в основных чертах ее мировоззрения. Считая обособленную от коллектива личность двигателем истории, прогресса, противопоставляя эту личность обществу, народу, К. Фримэн пытается с подобных глубоко порочных позиций трактовать весь исторический материал. Но при этом исчезает по существу сама история: вместо истории общества читатель находит в рецензируемой книге описание произвольно вырванных из окружающей среды «героев», вместо типического и закономерного — перечисление случайностей. Фрасибул, Арат, Эпаминонд, Гипподам, Кипсел, Фаларис, и многие другие деятели часто упоминаются К. Фримэн, но анекдотические подробности и банальные сентенции подменяют историческую оценку их деятельности. Множество различных деталей сообщает К. Фримэн о жизни каждого города, но читатель с недоумением замечает, что любовь акрагантян к птицам и храмовому строительству, по мнению автора, — чуть ли не самая существенная черта в истории Акраганта.

Изводя историю общества до механической суммы усилий и деятельности обособленных индивидуумов, автор, естественно, не в состоянии подняться до понимания объективных законов исторического развития. Их место в книге занимают абстракции, потерявшие всякую связь с историей. Не говоря уже об одиозном в устах К. Фримэн понятии — «объединение», которым автор покрывает самые противоположные по своей сущности явления, даже такие насыщенные конкретным историческим содержанием понятия, как «греческая культура», «олигархия», «демократия» и т. д., приобретают в ее изложении схематический и абстрактный характер. Действительно, вместо того чтобы выявить общие и индивидуальные черты в культуре Массалии, Византии или Коринфа, автор ограничивается ярлычком: «греческая культура». Вместо того чтобы остановиться на одной из самых существенных проблем в истории греческих колоний — на исследовании взаимодействия греческого и местного населения, — автор обходит молчанием самое существование этой проблемы. Вместо того чтобы проанализировать особенности социального и политического развития того или иного полиса, К. Фримэн довольствуется фразой: «олигархический строй уступил место демократическому», «демократия сменилась олигархией». К. Фримэн не наполняет историческим содержанием и приведенную ею классификацию отдельных периодов в истории греческого полиса: зарождение, расцвет, упадок. В краткой характеристике периодов полностью опущены экономические и социальные моменты. Суждения о духовной культуре полиса имеют весьма общий и поверхностный характер.

Таков путь, по которому идет автор, популяризируя свое индивидуалистическое credo, свои идеи, ни в коей мере не объясняющие ни современной, ни древней истории. Игнорируя классовую и социальную борьбу, умалчивая о рабстве, на котором зиждилось существование полиса, К. Фримэн рисует идиллические, а не исторические картины. Она развивает глубоко ошибочную мысль, что греческая духовная культура, воплотившая якобы принцип крайнего индивидуализма, достигла благодаря этому высшего своего совершенства. Эта мысль находится в полном противоречии с действительностью: сила греческой культуры заключается в первую очередь в ее большом социальном содержании.

Книга К. Фримэн, написанная с позиций крайнего индивидуализма, показывает, к каким отрицательным результатам в исследовании серьезной исторической проблемы приводит порочный метод, применяемый буржуазными авторами. Фальсифицируя, по существу, историю, эта книга отлично демонстрирует то пагубное влияние, которое имеет современная буржуазная политика на буржуазную историческую науку, тот кризис, который переживает последняя.

М. К. Трофимова

G. GIANELLI, Trattato di storia Greca, 2 ed., Roma, 1951, XV+527 стр.

В рассматриваемой книге флорентийского профессора Джанелли почти половина посвящена библиографии и историографии. Книга начинается с «Введения» (стр. 3—26 и 13 страниц «Общей библиографии»), содержащего методологическое *stredo* автора, разделы о хронологии и географии и краткую характеристику источников. Вся книга подразделяется на шесть частей: в первой части (стр. 39—70 и 11 страниц «Библиографии и проблем») рассматривается археология древнейшей Греции. Крито-микенская культура и в качестве особой главы «Греческая экспансия в Эгеиде»: эта часть охватывает почти целиком гомеровскую эпоху. Часть вторая (стр. 81—165 и 25 страниц «Библиографии и проблем») называется: «Формирование греческих государств и греческая экспансия в Средиземном море»; здесь излагается конец гомеровской эпохи, возникновение и развитие полиса, колонизация и падение власти аристократии, далее следуют главы «Государство Спарты», «Государство Афин» и «Жизнь и культура греков с IX по VI в.». Третья часть (стр. 191—250 и 18 страниц «Библиографии и проблем») охватывает события, начиная с Ионийского восстания и вплоть до 433 г.; здесь же дается очерк культуры «Золотого века Перикла». Часть четвертая — «Войны за гегемонию» (стр. 269—350 и 21 страница «Библиографии и проблем») — является центральной частью книги; здесь рассматривается, как один период, время от начала Пелопоннесской войны и до Филократова мира. Пятая часть (стр. 371—418 и 14 страниц «Библиографии и проблем») называется «Македонская гегемония: Александр Великий»; она охватывает события от Филократова мира и до битвы при Иссе. Часть шестая — «Эллинистическая эпоха и римское завоевание» — содержит четыре главы: «Державы-соперницы на средиземноморском Востоке», «Греция III в.», «Римская интервенция и конец греческой независимости» (с Первой иллирийской войны до битвы при Акциуме) и, наконец, «Эллинистическая культура и эллинизация Востока».

Даже в этом кратком обзоре содержания книги можно заметить некоторые особенности концепции Джанелли; автор явно возвращается к установкам реакционной буржуазной историографии конца прошлого века; центром его внимания являются не Афины, а Спарта и особенно Македония во главе с Филиппом II; именно Македония выступает в книге как высшее достижение древнегреческой жизни. Вместе с тем Джанелли сознательно модернизирует историю афинской демократии. Однако он не идеализирует ее, как это делала прогрессивная буржуазная историография начала и середины XIX в. — Грот, Нибур, Финлей, Бёк и многие другие; Джанелли скорее прижимает к тем модернизаторам, которые изображали афинскую демократию почти в карикатурном виде, в качестве зеркала ненавистной им демократии европейской: здесь он следует по стопам Ю. Шварца, Пёльмана, Дрерупа, Белоха, Кавеньяка и др. Высшим достижением греческой демократии Джанелли считает демократию времен Клизфена, которая, как он полагает, целиком базировалась на установлениях Солона (стр. 151). С реформ Эфиальта начинается упадок политической и общественной жизни, достигающий максимума перед подчинением Греции Филиппу Македонскому.